АКАДЕМИЯ «ЭТЕРИУМ» · КНИГА I

БЕЗДНА И ТЕНЬ

18+

ДАРЬЯ ЖЕМЧУГОВА

Дарья Жемчугова

Бездна и Тень

«Автор»
2026

Жемчугова Д.

Бездна и Тень / Д. Жемчугова — «Автор», 2026

В день восемнадцатилетия каждый человек переживает Пробуждение, обретая Духа-Тотема — воплощение собственной сути и первобытной силы. Чтобы не раствориться в звере, все новообращённые попадают в закрытую Академию «Этериум» на стыке гор, леса и чёрного озера.Лира Вейл — альбинос из Класса Земли с тотемом пантерного хамелеона. Она умеет стирать себя из чужого зрения и энергетического фона, вот только беззащитная кожа при малейшем волнении выдаёт её эмоции пастельными красками.Рейвен Торн — «Аномалия» выпускного курса Воды и носитель древнего мегалодона. Одинокий суперхищник, живущий на грани срыва от шума чужих пульсов.Их пути не должны были пересечься. Но случайная встреча в полузатопленной галерее меняет правила: рядом с «бесцветной тенью» впервые стихает гул в голове левиафана, а хищник, привыкший никому не доверять, находит единственную тихую гавань.

© Жемчугова Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Закон восемнадцатой зимы 5
Т Е Н Ь 7
Глава 1. Белый шум и пустое место 7
Б Е З Д Н А 12
Глава 2. Тишина в слепой зоне 12
Т Е Н Ь 15
Глава 3. Преломление света 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Дарья Жемчугова
Бездна и Тень

Пролог. Закон восемнадцатой зимы

«Зверь внутри не спрашивает, готов ли ты. Он просто открывает глаза — и смотрит, кто из вас сильнее».

— Из свода законов Ордена Равновесия

До восемнадцати лет все люди рождаются одинаковыми. Их кровь течет ровно, пульс не выдает тайных инстинктов, а в отражении зеркала виден лишь человек — хрупкий, смертный, свободный от чужой воли. Но ровно в день совершеннолетия мир внутри раскалывается. Наступает Пробуждение.

В самой глубине души, там, где прежде жила только человеческая мысль, зарождается первородная сила — Дух-Тотем. Это не приручённый спутник и не заемная магия, которую можно отложить в сторону, как клинок. Тотем — обнаженная суть личности, ее истинный характер и скрытый потенциал, обретшие плоть и клыки. Сначала он заявляет о себе Эфирной проекцией: полупрозрачным, мерцающим силуэтом за спиной, дарующим обостренный слух, ночное зрение или чутье на чужое сердцебиение. Позже приходит время Полного слияния, когда границы между человеком и зверем стираются, многократно умножая физическую мощь.

Вот только у этого дара есть жестокая цена. Необученный разум не способен удержать первобытную ярость. Те, кто не научился дышать в такт со своим зверем, либо сгорают от переизбытка внутренней энергии, либо навсегда растворяются в зверином облике, теряя имя, память и право называться людьми.

Чтобы сохранить хрупкий мир на границе двух природ, столетия назад был возведен «Этериум» — закрытая цитадель на стыке трех стихий, куда в обязательном порядке свозят каждого новообращенного.

* * *

Монументальный кампус Академии вырос там, где суровые скалистые хребты обрываются в бездонное черное озеро, а древний реликтовый лес подступает к самым крепостным стенам. Строгая готика белого и темного камня здесь переплетена с живой, непокорной природой: башни увиты вековым плющом, в гулких галереях бьют ледяные фонтаны, а с верхних террас не уходит ветер.

В первый же день первокурсники проходят через Ритуал Резонанса. Природа тотема безошибочно делит студентов на три факультета — три вечных ордена. Обладатели крыльев поднимаются в высокие шпили и подвесные мосты Класса Воздуха, где учатся скорости и холодному ментальному фокусу. Те, в чьих жилах течет стихия глубин, спускаются в полузатопленные павильоны и подводные стеклянные купола Класса Воды — царство тишины, давления и безупречного контроля над эмоциями. Наземные хищники, звери и рептилии уходят в мрачные каменные бастионы, подземные арены и душные оранжереи Класса Земли, постигая искусство ближнего боя, выносливости и маскировки.

Три года отделяют растерянного новичка от «Печати Равновесия» — знака полного господства над своим духом, открывающего дорогу обратно в мир или на государственную службу. Три года от Принятия через болезненную Трансформацию к высшему Симбиозу. И все это время над кампусом висит один нерушимый закон: любая боевая форма или выброс тотема за пределами тренировочных арен караются немедленно. Нарушителей ждет «Карцер Тишины»

— глухие каменные мешки, искусственно обрывающие нить между человеком и его зверем. Для Пробужденного нет пытки страшнее, чем внезапная слепая пустота внутри.

* * *

Разумеется, там, где собираются сотни молодых хищников, официальные уставы быстро обрастают негласной иерархией. Студенты сами делят себя на «Альф» — шумных, жадных до первенства обладателей крупных клыков и когтей — и «Тихонь», чьи мелкие, скрытные тотемы предпочитают тень прямому столкновению. Наставники же пристальнее всего следят за «Дикими» — теми, чей характер вступает в мучительный разлад с собственной природой.

Но есть и четвертая категория. Редчайшая. Опасная настолько, что о ней стараются говорить вполголоса. «Аномалии» — носители существ, стертых временем или рожденных вопреки законам вида.

Два года назад в «Этериум» под усиленным конвоем доставили первокурсника, чье Пробуждение в приморском городе едва не обернулось бойней. Неконтролируемый выброс энергии тогда разнес в щебень каменный тренировочный зал, а сам юноша трое суток не мог вернуться в человеческий облик, оставаясь в плену древней, слепой ярости. В его крови проснулся хищник из забытых эпох океана — чудовище, для которого не существовало ни стаи, ни равных. За два года он научился держать монстра на коротком поводке, но по ночам все так же мерил шагами кромку темного озера, спасаясь от гудящей мигрени: его звериное чутье слышало пульс и энергетический шум каждого живого существа в стенах цитадели.

Он готовился вступить на третий, выпускной курс с единственной целью — забрать «Печать Равновесия» и уйти свободным, не став живым оружием на цепи у совета. Он знал наверняка: в этом мире нет никого, рядом с кем стихает грохот чужой крови.

Он ошибался.

* * *

В тот вечер накануне нового семестра, когда после изматывающего спарринга он спустился в полузатопленную галерею водного крыла, пытаясь унять разбушевавшегося зверя и раскалывающую виски боль, его чутье впервые дало сбой. У темной базальтовой колонны замерла второкурсница Класса Земли. Хрупкая девушка-альбинос с волосами белее свежего снега и глазами цвета разбавленной лаванды, сжимающая в руках плетеную корзинку с теневыми травами.

Внутри нее жил тотем, лишенный природного цвета, но наделенный даром абсолютного исчезновения — способностью стирать себя из чужого зрения, обоняния и даже электромагнитного радара хищника.

Колокола башен еще не отбили начало нового учебного года. Ни одинокий левиафан глубин, ни бесцветная тень из оранжерей Земли еще не знали, что эта случайная встреча в сыром сумраке галереи навсегда нарушит хрупкое равновесие «Этериума».

ТЕНЬ

Глава 1. Белый шум и пустое место

«Границы трёх стихий проведены не из страха перед чужой силой, но ради сохранения внутренней тишины. Всякий, кто переступает порог чужого крыла после заката, сам отвечает за зверя, которого разбудит в темноте».

— Свод законов Ордена Равновесия, Статья IV, Правило седьмое

Утро в башне Ордена Корней всегда начиналось с запаха влажной коры и тяжёлого, медленного пробуждения. Пока студенты Класса Воздуха в верхних шпилях уже ловили первый рассветный ветер, а ученики Класса Воды уходили в свои ледяные купола на дне чёрного озера, в каменных кельях Земли стоял густой, тёплый сумрак. За узким стрельчатым окном туман цеплялся за вершины реликтовых сосен, но здесь, за толстыми стенами из тёмного сланца, было сухо и почти уютно.

Я открыла глаза за несколько минут до удара утреннего колокола и какое-то время просто лежала неподвижно, глядя в сводчатый потолок, увитый сухими побегами плюща. В груди, прямо под солнечным сплетением, медленно просыпался мой тотем. Крошечный пантерный хамелеон лениво потянулся в эфирной глубине, цепляясь невидимыми лапками за остатки ночного тепла, и выпустил крохотную волну спокойной, ровной энергии — будто проверял, не угрожает ли нам что-то в новой, чужой тишине второго курса.

«Всё тихо, — мысленно ответила я ему, прижимая ладонь к груди поверх тонкой ночной сорочки. — Мы в своей комнате. Никого рядом нет».

Мой взгляд скользнул к соседней кровати. Хлоя Рид спала, зарывшись носом в подушку так, что из-под одеяла торчала только копна огненно-рыжих волос. Даже во сне её аура пахла сухими осенними листьями, корицей и лесной землёй — тёплая, живая, хитрая лисья энергия, к которой я за первый год учёбы привыкла как к единственному безопасному островку в этом огромном каменном муравейнике.

Академия «Этериум» не прощала слабости, но ещё меньше она любила тех, кто выделялся. С самого первого дня, когда в восемнадцать лет я переступила порог Главного зала для Ритуала Резонанса, я поняла, что моя внешность станет для меня либо проклятием, либо проверкой на прочность. Длинные, прямые, белоснежные волосы, фарфоровая, почти прозрачная кожа без единой веснушки, белые ресницы и глаза цвета разбавленной лаванды — альбинос среди наземных хищников и зверей Ордена Корней выглядел как ошибка природы. Пока «Альфы» нашего факультета — волки, медведи и росомахи — с первого курса мерялись силой и рычали на подземных аренах, я училась одному: исчезать.

Первый курс, ступень Принятия, дался мне легче, чем многим. Мне не нужно было усмирять жажду крови или слепую ярость. Напротив — мой тотем оказался осторожным, наблюдательным и пугающе чутким. За год я научилась гасить свой энергетический фон, замедлять ритм пульса и полностью «выключать» природный запах солнечных листьев и ванильной пыльцы. Но второй курс — ступень Трансформации — пугал меня до дрожи в кончиках пальцев. Нам предстояло учиться не просто слышать своего зверя, а впускать его плоть в собственную кожу.

И у меня была тайна, о которой не знали даже наставники. Из-за отсутствия меланина моя кожа не умела удерживать защитный камуфляж — вместо этого любая сильная эмоция прорывалась наружу пастельными разводами. Стыд, страх или вспышка гнева мгновенно окрашивали скулы, шею и пальцы в нежно-розовый, лавандовый или бледно-золотистый цвет. «Предательский пигмент». Настоящая катастрофа для той, чьё выживание строилось на незаметности.

* * *

День тянулся в привычном, плотном ритме кампуса. Утром — общие лекции по анатомии Духов-Тотемов в Главной ротонде, где под высоким стеклянным куполом сходились все три стихии: наверху, на открытых галереях, перешёптывались и переминались с ноги на ногу крылатые студенты Класса Воздуха; в центре сидели шумные, самоуверенные «Альфы» Земли; а у самого края, ближе к ступеням, ведущим в нижние галереи, держались холодные, отстранённые ученики Класса Воды.

Я сидела на самом верхнем ряду, закутавшись в свободный кремовый кардиган с длинными рукавами, и старалась не поднимать глаз от конспекта. Рядом Хлоя тихо шелестела страницами, изредка бросая острые, изучающие взгляды на компанию старшекурсников Воды внизу.

— Смотри, даже Кассиан сегодня язык прикусил, — еле слышно прошептала она, кивнув в сторону третьего ряда, где развалился Кассиан Дрейк — рослый второкурсник с тотемом серого волка, успевший за прошлый год превратить жизнь половины «Тихонь» нашего курса в полосу препятствий. — Когда старшекурсники Глубин рядом, у наших волков сразу хвосты поджимаются.

— Нам не нужно ни с кем сталкиваться, Хлоя, — так же тихо ответила я, перелистывая страницу. — Просто отсидим лекции, заберём травы для завтрашней практики и вернёмся в башню.

— С твоим умением растворяться в воздухе тебе вообще можно на занятия не ходить, никто и не заметит, — усмехнулась она, но в её голосе скользнула искренняя тревога. — Только в нижнюю оранжерею после заката не задерживайся. Там граница с водным крылом, сыро и холодно, а у тебя руки и так вечно ледяные.

Я кивнула, но судьба распорядилась иначе. Наставник по травоведению и эфирным эликсирам задержал меня после дневного семинара, поручив собрать свежие побеги серебристого луноцвета — капризного растения, которое распускалось только в сумерках и росло исключительно в приграничной оранжерее, там, где тёплые подземные теплицы Ордена Корней вплотную примыкали к полузатопленным галереям Ордена Глубин.

* * *

Холод водного крыла всегда пахнет одинаково: мокрым сланцем, стоячей озерной тиной и чужим, выверенным до ледяного блеска спокойствием.

Я стояла на самом пороге приграничной оранжереи, крепче прижимая к груди плетёную корзинку с пучками серебристого луноцвета, и чувствовала, как даже сквозь плотную вязку кардигана по коже ползёт противный, колючий озноб. Ладони я заранее спрятала в длинные рукава, дотянув мягкую шерсть до самых костяшек. Влажность пробиралась под одежду быстрее любого сквозняка. Для рептилии Земли — даже такой неправильной, лишённой природной окраски, как я — подобный воздух был хуже осеннего заморозка. Пальцы уже начинали неметь, а в груди ворочалось вялое, сонное недовольство моего тотема.

«Забери травы, перейди галерею, поднимись по восточной лестнице в бастион. Пять минут. Всего пять минут, и ты снова будешь в тепле».

Тяжёлая кованая дверь оранжереи скрипнула, выпуская меня из душного, пахнущего прелой землёй и тёплым мхом рая прямо в сумрак полузатопленной галереи. Я привычно перекатилась с пятки на носок — шаг вышел абсолютно бесшумным, мягким, словно я ступала не по сырым каменным плитам, а по толстой ветке в кроне дерева. Мои собственные тотемные

повадки за первый год учёбы вросли в тело так глубоко, что я перестала их замечать. То же касалось и зрения: даже не поворачивая головы, я краем глаза охватывала почти весь коридор от арочных сводов до тёмной, маслянисто поблескивающей воды в боковом канале.

Галерею освещали лишь редкие настенные светильники с бледным, холодным пламенем. Они выхватывали из полумрака массивные колонны из темного базальта, обвитые влажным плющом, и отражались в чёрной воде длинными, дрожащими змеями. Капли конденсата срывались с высоких готических арок и с гулким «плюх» разбивались о поверхность канала, отсчитывая секунды в гулкой тишине.

Я приглушила собственную ауру ещё на выходе из теплицы — чисто по привычке. Стоило мне свернуть свой энергетический фон, приглушить ритм сердца и убрать запах солнечных листьев и ванильной пыльцы — и мир вокруг просто переставал меня замечать. Словно я стирала себя ластиком со страницы.

Я прошла уже половину галереи, когда тишина впереди раскололась.

* * *

Сначала пришёл звук — тяжёлый, неровный плеск, будто в глубине канала ворочалось что-то огромное, а следом за ним раздались глухие, размеренные шаги по мокрому камню. Они не походили на обычную походку человека, спешащего в спальню. Шаги шли по дуге — плавно, тяжело, хищно. Так кружит зверь, запертый в тесной клетке, которому физически необходимо двигаться, чтобы не задохнуться от собственной ярости.

Я замерла у основания широкой базальтовой колонны, не дойдя до поворота всего несколько метров. Инстинкт сработал быстрее мысли: тело само сжалось в струну, дыхание замерло на полувдохе, веки перестали моргать. Мой тотем мгновенно свернулся в тугой узел под солнечным сплетением, обрубая последние ниточки ауры и гася пульс до едва различимого толчка раз в несколько секунд.

А потом до меня дошёл запах.

Он ударил в лицо раньше, чем из-за поворота показался его обладатель. От этого запаха у меня перехватило горло и ледяной иглой кольнуло между лопаток. Так пахнет не просто стихия Воды — так пахнет открытый океан за секунду до шторма, когда небо чернеет, а воздух пропитывается острым, обжигающим озоном и влажным базальтом. Но поверх этой холодной, давящей глубины висел другой, удушающий шлейф — металлический привкус свежей солёной крови, электрический разряд и тяжёлый, первобытный азарт суперхищника, только что вышедшего из схватки.

Из-за колонны шагнул парень, и мне показалось, что температура в галерее упала ещё на десять градусов.

Он был высоким и широкоплечим, с той опасной, хищной пластикой движений, какая бывает только у старшекурсников, прошедших через ступень Симбиоза. Иссиня-чёрные, растрепанные волосы с глубоким ультрамариновым отливом на концах были влажными у висков — с них всё ещё срывались редкие капли, стекая по бледной, словно высеченной из мрамора скуле. Чёрная облегающая водолазка с высоким воротом прилипла к груди от сырости, а расстёгнутый тёмный пиджак с синей окантовкой лацканов и серебряной брошью в виде акульего плавника на цепочке тяжело колыхался при каждом шаге. Сбоку на его шее, чуть выше ворота, темнела сложная татуировка — рваные линии, до жути похожие на жаберные щели в окружении острых шипов.

Я узнала его в ту же долю секунды, хотя раньше видела лишь издали, в общих залах, где даже самые громкие «Альфы» старались обходить его по широкой дуге. Рейвен Торн. Третий курс Класса Воды. «Аномалия», чьё Пробуждение два года назад разнесло в щебень тренировочный зал и едва не стоило жизни ему самому.

Он шёл вдоль самой кромки воды, явно пытаясь остудить себя после тяжёлого спарринга. Правая костяшка его сжатой в кулак руки была сбита до крови — тёмная капля сорвалась с

пальца и бесшумно упала на каменную плиту. Из глубины его горла вырывалось низкое, вибрирующее шипение, от которого у меня заныли зубы, а челюсти смыкались с тихим, жёстким щелчком.

Рейвен не смотрел по сторонам — он смотрел под ноги, погружённый в собственный гул, и двигался прямо мимо моей колонны. Его обострённое чутьё — та самая легендарная электрорецепция глубоководного хищника, о которой шептались на лекциях, — сейчас должно было считывать каждый живой пульс в радиусе сотни шагов. Но для него я не существовала. Я была пустым местом. Невидимой тенью в тени камня.

Он прошёл бы мимо, если бы не одно нелепое движение. Мои замерзшие, окоченевшие пальцы дрогнули внутри рукава, и сухой стебель луноцвета в корзинке тихо, почти неслышно хрустнул.

Тишина взорвалась.

Рейвен дёрнулся так резко, что воздух вокруг него словно зазвенел от выброса энергии. В одно мгновение он развернулся всем корпусом, прижимая меня взглядом к холодному базальту колонны. В тусклом свете фонаря я увидела его глаза — и сердце пропустило удар. Правый глаз был ледяным, сапфирово-синим, как глубокий зимний лёд, но левый горел расплавленным янтарным золотом, и его зрачок был сужен в тонкую, вертикальную хищную щель.

На меня смотрел не студент. На меня смотрел древний, слепой голод, который с трудом удерживали на коротком поводке.

— Какого чёрта… — голос у него оказался низким, глухим, с тяжёлой хрипотцой, будто он слишком долго сдерживал рык. Он нахмурился, его взгляд метнулся от моего лица к корзинке и обратно, а ноздри хищно дрогнули, пытаясь поймать хоть какой-то запах. — Я тебя не слышал. Твоего фона здесь не было. Кто тебя подослал?

— Никто… — выдохнула я, с трудом разжимая сведённые холодом губы. Голос прозвучал тихо, почти шёпотом, но удивительно ровно. — Я просто возвращалась из оранжереи с травами для завтрашнего занятия.

Он сделал полшага вперёд, нависая надо мной каменной глыбой, и ледяной запах озона и солёной крови ударил сильнее. Я видела, как напряглись желваки на его скулах, как судорожно сжались пальцы сбитой в кровь правой руки.

— Врёшь, — процедил он сквозь зубы, и в его груди снова зарокотало низкое, предупреждающее шипение. — Ни один зверь Земли не проходит мимо моего радара без пульса и без запаха. Даже лисы и совы фонят за двадцать шагов. От тебя нет ничего. Пустота. Зачем ты шпионишь в секторе Воды?

— Я не шпионю, — я не отступила, хотя спина уже вжималась в шершавый камень колонны, а колени мелко дрожали от сырого сквозняка. — Приграничный переход открыт до вечернего колокола по Своду законов. И я… я не умею управлять фоном специально. Просто привыкла прятаться.

Любой другой студент на моём месте уже бросился бы наутёк, рассыпая травы по полу. Но мой тотем не умел бегать — при угрозе он приказывал замирать насмерть. И именно в эту секунду случилось то, чего я боялась больше всего на свете.

Жар ударил в скулы.

«Нет. Только не сейчас. Пожалуйста, только не при нём».

Лишённая меланина кожа не умела врать. Испуг и обида от несправедливого обвинения ударили по крови, и тотем тут же отозвался предательским всплеском: по фарфоровым скулам и тонкой коже у ворота блузки поползли нежные, бледно-лавандовые разводы, выдавая мою панику с головой. Я инстинктивно втянула голову в плечи, пытаясь спрятать нижнюю часть лица в мягком вороте кардигана, но было уже поздно.

Янтарный глаз Рейвена чуть прищурился. Вертикальный зрачок дрогнул, зацепившись за вспышку бледно-сиреневого цвета на моей щеке, а затем медленно скользнул по белоснежным

волосам и спрятанным в рукава рукам. На долю секунды тяжёлое, удушающее давление его ауры ослабло — словно зверь внутри него на миг сбился с охотничьего следа, наткнувшись на что-то совершенно непонятное и не вписывающееся в привычные законы охоты.

— Убирайся с дороги, — уже тише, но всё так же глухо бросил он, делая шаг назад, к кромке канала, словно сам пытался увеличить дистанцию между нами и свежей ссадиной на своей руке. — В водном крыле нечего шататься по ночам. Особенно таким, как ты. Ещё раз попадёшься под руку после спарринга — я не стану разбираться, из какого ты факультета.

Он снова глухо зашипел сквозь сжатые зубы, прижимая ладонь здоровой руки к виску — видимо, гудящая боль в голове от чужого присутствия или остатков боевого транса не отпускала его ни на секунду. Но, странное дело, глядя на меня, он больше не рычал так яростно, как секунду назад.

— Простите… Я уже ухожу, — тихо ответила я и, стараясь не делать резких движений, плавно отступила от колонны.

Я не повернулась к нему спиной — инстинкт подсказал, что показывать спину разъяренному хищнику смертельно глупо. Сделав бесшумный шаг в сторону, я обогнула колонну по широкой дуге, не сводя с него глаз, пока не скрылась за тяжёлой дубовой дверью лестничного пролёта.

Только когда за спиной щёлкнул замок, отсекая запах озона, солёной крови и ледяной бездны, я прислонилась затылком к тёплому камню стены и наконец позволила себе выдохнуть. Сердце колотилось где-то в горле, щеки горели лавандовым огнём, а в голове билась одна-единственная, совершенно безумная мысль.

На секунду, перед тем как я закрыла дверь, мне показалось, что Рейвен Торн больше не меряет галерею кругами. Он просто стоял у тёмной воды и смотрел мне вслед.

Б Е З Д Н А

Глава 2. Тишина в слепой зоне

«Тот, в чьих жилах пробудился древний голод глубин, не имеет права на ошибку. Пока зверь не научится слышать поводок разума, любая капля крови становится приговором».

— Свод законов Ордена Равновесия, Статья IX, Правило второе

Запах собственной крови в замкнутом пространстве сносит крышу быстрее любого яда.

Я стоял по пояс в ледяной воде нижнего тренировочного бассейна Класса Воды, уперевшись ладонями в скользкий базальтовый бортик, и пытался заставить лёгкие работать ровно. Перед глазами всё ещё плыла мутная, кроваво-красная пелена. Где-то на краю сознания ворочалась гигантская, древняя тень — эфирный силуэт мегалодона, чьи челюсти минуту назад едва не сомкнулись на горле моего спарринг-партнёра. Наставники вовремя подняли защитный барьер, но я успел разбить костяшки правой руки о каменную стену, сдерживая последний таранный удар.

Капля крови упала с разбитого пальца в чёрную воду, расходясь тонким алым облачком. В ту же секунду по позвоночнику ударил разряд тока. В груди зарокотало глухое, вибрирующее шипение, а левый глаз обожгло привычным жаром — зрачок снова сузился в вертикальную щель, впиваясь в темноту. Голод. Слепой, первобытный, не знающий ни правил Академии, ни человеческих имён.

«Хватит. Назад. В глубину».

Я выбрался на каменный настил, накинул на мокрую водолазку расстёгнутый чёрный пиджак и шагнул в полузатопленную галерею. Мне нужно было движение. Акула не может стоять на месте в стоячей воде — она задыхается. И мне нужно было уйти подальше от верхних залов, где сотни студентов фонили своими пульсами, дыханием и нервными всплесками ауры, вбивая мне в виски раскалённые гвозди.

Я шёл вдоль канала привычным круговым шагом, глядя в тёмный сланец под ногами и пересчитывая удары собственного сердца, пока в тишине коридора не раздался едва слышный сухой треск.

Я развернулся раньше, чем успел подумать.

Она стояла у самой колонны в двух шагах от моей спины — и это бесило сильнее всего. Мои ампулы Лоренцини, моё чёртово звериное чутьё, от которого не мог спрятаться ни один третьекурсник, просто не сработало. Для моего радара этот угол галереи был абсолютно пустым. Ни электромагнитного фона, ни биения сердца, ни запаха.

А потом я разглядел её в тусклом свете фонаря — и на секунду забыл, как дышать.

Она была крошечной на фоне массивного базальта. Невысокая, хрупкая, закутанная в слишком большой кремовый кардиган, в длинных рукавах которого полностью прятала кисти рук. И белая. Абсолютно, нереально белая — словно кто-то вырезал её из зимнего тумана и забыл добавить красок. Прямые волосы цвета свежего снега рассыпались по плечам, фарфоровая кожа казалась полупрозрачной, а большие глаза — редкого, бледно-лавандового оттенка — смотрели на меня без привычного для студентов животного ужаса.

Она не визжала. Не шарахнулась в сторону, роняя свою плетёную корзинку с травами. Просто замерла, как крошечная ящерица на камне, перестав даже моргать.

— Какого чёрта… Я тебя не слышал. Твоего фона здесь не было. Кто тебя подослал?

Голос сорвался в хриплый рык — зверь внутри требовал немедленно вышвырнуть чужачку со своей территории. Но она ответила тихо, почти шёпотом, не отводя этих странных сиреневых глаз. И в ту же секунду прямо на моих глазах случилось нечто невозможное.

Её фарфоровая кожа зацвела.

Прямо по острым скулам и тонкой коже у кружевного ворота блузки расползлись нежные, акварельные разводы бледно-лавандового цвета. Она пыталась втянуть голову в плечи и спрятаться в воротник кардигана, но её собственное тело предавало её с потрохами. Никакой лжи. Никакого притворства. Страх и растерянность выступили прямо на коже, как чернила на белой бумаге.

Гул в моих висках — тот самый невыносимый белый шум чужих жизней, от которого я сходил с ума два года подряд — вдруг оборвался. Словно кто-то захлопнул тяжёлую дверь, отсекая весь остальной мир. Рядом с ней было тихо. Абсолютно, оглушительно тихо.

Испугавшись собственного ступора, я сам отступил к воде и прорычал, чтобы она убиралась прочь. И ещё долго после того, как за ней закрылась дверь лестницы, я стоял у канала, глядя на пустую колонну, и впервые за вечер не чувствовал потребности рвать когтями камень.

* * *

Новый учебный семестр начался через два дня с привычного холодного напоминания о том, кто я такой в этих стенах.

— Вы снова теряете контроль на глубине, мистер Торн, — ровный, ледяной голос Адриана Кроули эхом разнёсся по пустому залу тактики засады.

Двадцатидвухлетний наставник третьего курса стоял у края полузатопленной арены с безукоризненной аристократической осанкой. Тонкие очки в серебряной оправе с цепочкой, строгий чёрный костюм с темно-изумрудным платком в кармане и ни единого лишнего движения. Но я слишком хорошо знал, что скрывается за этой вежливостью: гребнистый крокодил, древняя Аномалия, способная переломить хребет любому «Альфе» раньше, чем тот успеет моргнуть.

— Барьер стоял, — коротко ответил я, держа руки в карманах брюк. — Никто не пострадал.

— Пострадала каменная кладка нижнего бассейна, — Адриан медленно повернул голову, и его серо-янтарные глаза за стёклами очков сузились, а в груди на долю секунды возник едва ощутимый инфразвуковой гул. — До выпуска и получения «Печати Равновесия» вам осталось меньше года. Совет Академии не станет закрывать глаза на ваши срывы в «кровавую слепоту». Если ещё раз позволите мегалодону взять верх на тренировке, я лично подпишу ордер на неделю в «Карцере Тишины». Вы меня поняли?

— Понял.

— Свободны. Идёмте на общий плац — сегодня объединительная тренировка курсов.

* * *

Общая тренировка на открытой террасе у чёрного озера была худшим видом пытки.

Сотня студентов всех трёх факультетов сбилась в шумную, бурлящую толпу. Воздух вибрировал от чужих ауры, запахов мокрой шерсти, озона, перьев и пота. Мои ампулы Лоренцини сходили с ума: сотни сердец стучали вразнобой, сливаясь в невыносимый грохот прямо у меня в черепе. Я стоял у самого края каменного парапета, сжав челюсти до хруста, и старался дышать через раз.

— Смотрите-ка, наша ручная Аномалия ещё не в карцере, — раздался сбоку самодовольный голос.

Я даже не повернул головы, узнав запах псины и леса. Кассиан Дрейк со второго курса Земли ухмылялся, поигрывая плечами в окружении пары приятелей-волков, а чуть поодаль с холодной усмешкой наблюдала Эвелин Сторм — высокомерная косатка с моего курса Воды.

— Говорят, тебя на днях едва не вынесли из бассейна в намордник, Торн, — бросил Дрейк, явно пытаясь заработать дешёвый авторитет перед старшекурсниками.

Я медленно повернул к нему голову и позволил левому глазу вспыхнуть янтарём. Зрачок сузился в тонкую иглу, а из горла вырвалось низкое шипение.

— Ещё один шаг ближе, и твой волк останется без хвоста, — глухо произнёс я.

Дрейк побледнел и дёрнулся назад, тут же спрятавшись за спины приятелей, а я, не дожидаясь окрика наставников, развернулся и ушёл по каменным ступеням вниз, к самой кромке чёрного озера.

Там, на узкой полосе мокрой гальки, я снова пустил себя в бесконечный «акулий дрейф» — шаг за шагом, круг за кругом вдоль холодной волны. Мигрень давила на виски, но перед глазами против воли всплывала та самая сцена в галерее. Белоснежные волосы. Лавандовый румянец на фарфоровых скулах. И идеальная, спасительная пустота вокруг неё.

«Лира Вейл. Второй курс Класса Земли. Пантерный хамелеон».

Я выяснил её имя ещё вчера утром. И впервые за два года в «Этериуме» поймал себя на мысли, что хочу снова оказаться в той же слепой зоне, где замолкает весь этот проклятый мир.

Т Е Н Ь

Глава 3. Преломление света

«Истинная сила тотема рождается не в подражании чужим клыкам, но в принятии собственной природы. Тот, кто пытается сломать свой дар под чужую мерку, остаётся безоружным в первый же час боя».

— Свод законов Ордена Равновесия, Статья II, Правило четвёртое

Подземные арены Ордена Корней всегда пахли раскалённым камнем, сухим торфом и чужим азартом.

Я стояла у самой кромки третьего тренировочного круга, глубоко спрятав ладони в длинные рукава кремового кардигана, и старалась дышать ровно. Вокруг гудел целый муравейник второкурсников Класса Земли. Сегодня было наше первое практическое занятие по ступени Трансформации — день, когда наставники впервые требовали не просто призывать призрачную Эфирную проекцию за спиной, а вытягивать черты своего тотема прямо на человеческую кожу.

— Слушай, Вейл, если ты сейчас же не перестанешь дрожать, тебя сдует ещё до начала спаррингов, — тихо фыркнула Хлоя Рид, вставая плечом к плечу со мной. Она уже успела заплести огненно-рыжие волосы в тугую косу, а её янтарные глаза азартно блестели. — Посмотри на этих «Альф». Они только и ждут, чтобы кто-то из наших споткнулся.

— Я не дрожу, здесь просто сыро у северной стены, — прошептала я, бросая короткий взгляд в центр зала.

Там, окружённый компанией приятелей, разминался Кассиан Дрейк. На его предплечьях уже проступала густая серая шерсть, а ногти вытянулись в тёмные, изогнутые когти. Рядом с ним хищно ухмылялись ещё двое старшекурсников с тотемами росомахи и бурого медведя. Для них частичная трансформация была естественной, как вдох: клыки, когти, звериная шкура, грубая мышечная масса.

— Дрейк с утра на взводе, — вполголоса добавила Хлоя, наклоняясь ближе к моему уху. — Говорят, вчера на общей террасе он попытался задеть Рейвена Торна из Класса Воды и чуть не наложил в штаны от одного его взгляда. Теперь ищет, на ком бы отыграться. Держись ближе ко мне, если он полезет — я прикрою.

— Спасибо, Хлоя. Но мне не нужна драка, мне нужно просто сделать то, что скажет мастер Варн.

В сердцевине зала хлопнули тяжёлые ладони наставника. Мастер Варн — коренастый мужчина с широкими шрамами на скулах и тяжёлой аурой старого вепря — обвёл строй строгим взглядом.

— Второй курс! Первый год научил вас слышать своего зверя. Второй год заставит вас стать с ним одной плотью. Задание на сегодня: частичный покров. Выпустите чешую, шерсть или хитин на предплечья и удерживайте форму три минуты. Начали!

Зал мгновенно наполнился глухим рычанием, треском ткани и выбросами эфира. Рядом со мной Хлоя выдохнула, и её руки до самых локтей покрылись рыжим мехом, а на щеках проступили острые звериные скулы.

Я закрыла глаза и опустилась сознанием внутрь себя.

Там, в тёплой тишине под солнечным сплетением, свернулся мой пантерный хамелеон. Он не рычал и не рвался в бой. Он лениво приоткрыл один круглый, независимый глаз и медленно переступил крошечными лапками.

«Покажись, — мысленно попросила я, направляя поток тёплой энергии земли к рукам. — Нам нужна чешуя. Обычная защитная чешуя, как у всех рептилий».

Я закатала рукава кардигана до локтей и сосредоточилась. По коже побежали знакомые мурашки, заструился тонкий эфирный свет… но вместо твёрдых роговых пластин на моих фарфоровых предплечьях лишь на миг вспыхнули переливающиеся лавандово-золотистые пятна — и тут же погасли. Из-за проклятого альбинизма у моего тела не было пигментной основы, чтобы закрепить плотный покров рептилии.

— Эй, смотрите все! Белая ворона пытается превратиться в муку! — громкий, насмешливый голос Кассиана Дрейка разрезал гул зала.

Смех прокатился по рядам «Альф». Дрейк шагнул ближе к нашему кругу, скрестив на груди покрытые волчьей шерстью руки.

— Серьёзно, Вейл? У тебя даже чешуи нет. Какой из тебя боец Ордена Корней? Тебе место в теплице — горшки поливать, пока нормальные хищники тренируются.

— Закрой пасть, Дрейк, пока я тебе в неё хвост не засунула! — огрызнулась Хлоя, делая шаг вперёд и оскалив острые лисьи клыки.

— Стой, Хлоя, не надо, — тихо остановила я её, чувствуя, как внутри поднимается холодная, упрямая волна.

Обида обожгла горло, но вместо паники в груди вдруг проснулось странное, кристальное спокойствие. Я поняла свою ошибку. Я пыталась заставить хамелеона стать тем, кем он не был — грубым, бронированным зверем. Но сила моего тотема заключалась не в броне. Она заключалась в свете.

Я снова закрыла глаза, но на этот раз не стала сжимать энергию внутрь. Напротив — я позволила эфирному потоку хамелеона выплеснуться наружу тончайшим, невесомым коконом, обволакивая меня с головы до пят, и мысленно приказала ему не прятаться, а отразить всё вокруг.

По коже пробежал лёгкий, щекочущий холод, словно на меня накинули шёлковую вуаль из горного тумана. А в следующую секунду шум в зале оборвался.

Первой ахнула Хлоя. За ней стих смех Дрейка.

Я открыла глаза и посмотрела на свои руки. Их не было. Сквозь мои ладони, сквозь кремовый кардиган и белую юбку свободно просвечивали серые каменные плиты пола, отсветы торфяных жаровен и застывшие с открытыми ртами лица студентов. Эфирный покров моего тотема не просто приглушил фон — он преломил свет вокруг меня, превратив меня в абсолютную, живую невидимку.

— Невозможно… — выдохнул мастер Варн, делая быстрый шаг вперёд и вглядываясь в пустое пространство там, где секунду назад стояла я. — Полное оптическое преломление на втором курсе?! Ни один носитель рептилий в истории «Этериума» не добивался полного визуального исчезновения без слияния!

Хлоя восторженно схватила меня за плечо — и в ту же долю секунды в месте её прикосновения по воздуху пробежала серебристая рябь. Свет преломился иначе, и моё очертание на миг проявилось, как отражение на потревоженной воде. Я поняла: пока меня никто не касается, кокон держит свет идеально, но любое физическое прикосновение нарушает его целостность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.